

культура

В российский прокат выходит новый фильм Стивена Стивберга — фантастический боевик «Первому игроку прыг оговиться»

ВЫСТАВКА ИСКУССТВО

Золото ван Рейна

«Эпоха Рембрандта и Вермеера» в ГМИИ

В ГМИИ имени А. С. Пушкина открылась выставка «Эпоха Рембрандта и Вермеера. Шедевры Лейденской коллекции». В 1 работа голландских мастеров и один рисунок Леонардо да Винчи происходят из сенсационной коллекции, собранной нью-йоркской парой Томасом и Дэфной Каплан за последние 14 лет. Рассказывает Игорь Гребельников.

Сенсационность Лейденской коллекции придет и та скорость, с которой она сложилась. Впервые пять лет мы в среднем получали по одной работе в неделю, — говорит Томас Каплан, — и качество произведений, многие из которых единственные в своем роде на нидерландских частных руках, и ее продуманная цельность. Лейденской она стала в честь родины Рембрандта Харменис ван Рейна: наряду с его произведениями (и это обязательно для современных частных собраний) 14 картин и 2 рисунка в ней есть работы его современников, его учителя Питера Ластмана, его собственных учеников, прославившихся и на очках, и так же, кто, в свою очередь, учил его. При таком подходе география владельцев не ограничивалась Лейденом: тут и работы, написанные Рембрандтом после его отъезда в Амстердам, а также других амстердамских, утрехтских, нидерландских художников, и даже поздняя картина Яна Вермеера «Долухта за веревочками», единственное из Ж. провинциальной дофитского гения, принадлежавшее частному владельцу.

Каплан провалил изрядную выработку и багровую, но афишу свое название сохранил работы голландцев, и вообще долго время сохранял свою анонимность, даже когда не успевал переписать в прессе провозглашений. В итоге они даже не стали давать соборно своему имени (хорошо бы так абсолютизировать большинство собирателей), но зато сделали его доступным для музея: за последние годы 170 работ из Лейденской коллекции побывали в разных музеях по всему миру, а в прошлом году 32 из них показались в Лувре одновременно с выставкой Вермеера (картина из коллекции также частно-

Рембрантовская «Минерва» — одна из многих вещей в коллекции, которые сделали бы честь любому великому музею

вала в последний). Удивительна и то, что супруги Каплан ничего из собранного не хранят дома, довольствуясь копиями работ.

Конечно, имя Рембрандта придает собранию особую ценность, но исключительность Лейденской коллекции

иного рода сопоставлений, для удобства которых ГМИИ изменил название голландской коллекции. Она еще и о том объединяющем художнике пошла, который сыграл такую роль, — об изображении души как основной реальности. Выставка начинается с раннего аллегории Рембрандта в Итало-голландской галереи (Аллегория ослепления), «Пациент, утративший в обморок (Аллегория обоняния)», «Три музыканта (Аллегория слуха)» — крошечная

картина Рембрандта была он сам. Может показаться, что тут не обошлось без самолюбования, особенно глядя на его портрет в восточном одеянии, написанный Янсом де Лудервиком по инициативе художника. Или на «Автопортрет с зеркалом», где Рембрандт представляет себя в образе ученого, и эта картина, где свет выхватывает из полумрака только часть лица, действительно была срочной работой открытки.

Рембрандтом, вскоре будут покрыты самые будничные моменты жизни, другим важным открытием голландского искусства, посвященными половине выставки, и тут нет сомнения учителя и ученика, а есть восторг перед ослепительным искусством, тем более ценным после нескольких веков жестокой войны Палладины и Испанской и религиозных конфликтов. Ученик, заточенный поро, бодилась трагедия старухи, князя за княгой, двуликая за чепухой писма или мушкетером, слепой дамой слепца, которого дама поводит слепойкой; большая женщина, прикованная в кресло, — останки миссиссис, длинные паруса и страсти, как бурчанье молодых, изданной верженном (она слышна рядом с картиной Вермеера). Это очка, сопоставление и поминание о той жизни, когда после бедствий мир извещался. Как об этом искусстве писал французский историк Ипполит Тэн, «человек радуется не только потому, что ему очень хорошо, а потому, что настоящее неизмеримо лучше прошлого». Все самым обыденным действиям придает особую прелесть, и интерес людям нравится и как будто начинают жить впервые. Что, как не это, остается сегодня жить.

Тут нет состязания учителей и учеников, а есть восторг перед сиюминутным и ускользающим, тем более ценным после нескончаемых войн и религиозных конфликтов

картин, выходящих по три тридцатью гримасочными персонажа. А рядом того же периода «Автопортрет его друга, но и портрета Яна Ливенса: женщина с колесной ситых курчавых волос и колпаком, по которому легко отгадывается его характер и эмоции, как и в его же портрете боролотого пошлово «Сынотца по стилово или «Мальчик в пальто и порбана. И хотя живописец задает свой портрет в лейденской, а потом и амстердамской мастерской (это был первый такими пародиями сына и сына или в чем от него отступил (тут большое поле для раз-

За с портретами вымечт тридцатью рембрандтовская «Минерва», боится войны и мудрости, а доктор с ослеплением золотом парадом. В золотом веке голландской живописи и в прямом смысле есть нидерландские ранне пилота, особое сияние, искусство не только мифологическое и библейские персонажи, но и рядовые голландцы (портреты, вставки, с ищут не приукрашенными чертами лица и особенностями фигуры изображали всех слоев: Солдатки и царя Саломеи, Иудеи и Лудерик, англичан, святых, пророков). И этим светом, открытым

ВЫСТАВКА ГЕОГРАФИЯ

Глобусы глобализма

«Мир в сферах» в Лувре Абу-Даби

В Лувре Абу-Даби открылась выставка «Мир в сферах» (Le Monde en spheres), сделанная на основе собрания Национальной библиотеки Франции и рассказывающая, как Земля соевостными усилиями арабских, персидских и европейских ученых из плоской превратилась в шарообразную. Через год эту роскошную экспозицию покажут на самой Библиотеке национальной во Франсу. Из Абу-Даби — Анна Толстова.

Сама атмосфера воздушного купола Лувра Абу-Даби, которой Жан Нуэль построил целый лабиринт арабского периода, где в бесконечных кубиках помещаются выставочные залы, лекторий, кафе, рестораны, бутики и прочие элементы музейной инфраструктуры, кажется главным экспонатом «Мира в сферах». Ведь колоссальный купол, пропуская свет, сплел свое многообразие металлическое кружево милое струи ситового дождя, при нем реверансы локальной архитектуре предвещают символу модернизму.

Открытый прошлой осенью Лувр Абу-Даби стал первым музеем на острове Саадият, который, согласно грандиозному инвестиционно-девелоперскому проекту, превратится в коллекцию мировых музейных брэндов и трендов в звездно-архитектурных уютах. В точные тридцать лет саадиятский паренит будет пользоваться тем же именем Лувр, и точно же достиги — зданиями из французских музеев на правах догосподской аренды, в точные пятнадцать — институционально специально созданного в связи с этим предпринимательством Габриэля Мюльштейна, а потом должен отделиться от материнской груди. Мультикультурный колониализм илюзии не в воде, но, как не старается в эмиретском Лувре, музеем все равно не удастся избавиться от слепого французского влияния. И сама постоянная экспозиция, сколько бы Лувр Абу-Даби ни пытался отойти от западной хронологии и западного жеу империализма, является собой нечто вроде воображаемого музея Андре Мальро, чудесным образом ставшего базисом.

Выставка «Мир в сферах», сделанная главным куратором отдела картографии Национальной библиотеки Франции Катрин Хоффманн и главным куратором Библиотеки Сент-Жюльиен французом Наполеоном, как бы разливает один из разделов посто-

янной экспозиции Лувра Абу-Даби под названием «Космография», где арабы и персидские астрономы и географы встречаются со своими западными европейскими коллегами. 160 глобусов, карт, иллюминированных манускриптов, астролябий, монет, гравюр, фотографий и фильмов объясняют, как на протяжении двух с половиной тысячелетий — от Пифагора до наших дней — человечество представляло себе Землю, которая когда-то лежала плоской ленточкой посреди океана под бронзовыми небесами в самом центре мироздания, но постепенно приобрела сферическую форму и начала вращаться вокруг Солнца.

С «юрьма-слонца», собственно, и начинается выставка, встречающаяся из одного дуема огромными бесконечно прорисованными глобусами, землями и небесами, сделанными изоглицином картографом, космографом и просто Эдмондом Липинице Марией Корнелия по заказу Лодовико XV. А под самым концом изоглицином маршрута посетитель оказывается на Всемирной выставке 1900 года, где во главе самой Эйфелевой башни встала планета в форме гагаской — 46 метров в диаметре — представляющая небесной сферы, внутри которой были расположены рестораны, концертные залы и аудитория. Обнаружить такую россыпь изданий Фламмингуса и Жюль Верна, пометить «Путешествие на Луну» Жюль Верна Милье. И хотя здесь от выстраивает все полновесные планеты Птолемея, ас-Суфи и Копернику, невозможно отделить от количества, что географическое воображение человечества вращается вокруг Парижа.

Сделанный с истинно французской амбициозностью «Мир в сферах» говорит, конечно, не о французском интеллектуальном доминировании, а о постоянном культурном обмене между исламскими и христианскими мирами. Когда Вальония и Исфахан мирится древностью своих небесных глобусов, а серебряная планета с изображением семи планет и двенадцати знаков зодиака, впаивая в мировой купол слиявшегося астрологического мушкетера из Праги начала XIII века, словно бы охватывает магический граниток Альбрехта Дюрера с изображением персонализированных созвездий. Любая выставка об истории географических образов не может избежать риторических схем: кто о парадигме мира, но если рассмотреть мир в такой глобальной перспективе, выности все же удается избежать.

Хотя здесь отвечивают положенные поклоны Птолемею, ас-Суфи и Копернику, невозможно отделиться от впечатления, что географическое воображение человечества вращается вокруг Парижа

Kommersant

28 March 2018

Igor Grebelnikov

“Van Rijn’s Gold – the Era of Rembrandt and Vermeer”

The Pushkin State Museum of Fine Arts presents the exhibition “The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection.” 81 works by the Dutch Masters and one drawing by Leonardo da Vinci will be showcased, part of the sensational collection assembled over the past 14 years by a couple from New York, Thomas Kaplan and his wife, Daphne Recanati Kaplan.

The truly exceptional nature of The Leiden Collection stems from the speed at which it was assembled, the quality of the works it features (some of them unique), and the carefully thought-through approach that has characterized its development. Reflecting on the Collection’s rapid expansion, Thomas Kaplan shares: “In the first five years, we were buying one painting per week on average.” He adds that the Collection was named after Rembrandt’s birthplace, in homage to the master. Beyond an incredible 12 paintings and 2 drawings by Rembrandt, The Leiden Collection features the works of the master’s contemporaries, including his teacher Pieter Lastman, Rembrandt’s own students (both famous and not so), and their own students. This particular approach ultimately took the Collection beyond Leiden. It comprises works by Rembrandt produced in Amsterdam, pieces by artists from Utrecht, and even Vermeer’s *Young Woman Seated at a Virginal* – the only work by the master from Delft in private hands.

Throughout their quest, the Kaplans demonstrated immense patience and common sense. They never made their intention to collect the Dutch masters public. The spouses managed to preserve their anonymity for a long time, even when their collection reached 200 works. They chose not to name the Collection after themselves (an otherwise rather common practice among collectors), and instead made it available to museums. In just a few years, some 170 works from The Leiden Collection visited numerous institutions all over the world. Last year, 32 of them were exhibited at The Louvre together with Vermeer’s exhibition (the Kaplans’ own Vermeer was part of the show). It is also impressive that they would not hang any of their collection at home, only copies.

The name of Rembrandt certainly brings a special *cachet* to The Leiden Collection. However, its trump card remains the focus being placed on an important era in Dutch (and, partly, Flemish) art, covering the period from the 1630s to 1680s. Such an approach immerses the viewer into an artistic context in which the grand master is not simply juxtaposed against the rest of the artists (which is nonetheless very convenient for some art historians), but rather shown in tight, almost fraternal, connection with a great number of Dutch masters. This collection therefore is not about what and how they learned from Rembrandt in terms of light and shadow techniques, and what they rejected. There is nonetheless a great deal of material available for comparison, which the Pushkin Museum has encouraged by altering the order in which Dutch paintings are arranged.

The Leiden Collection also addresses the main unifying message which brought vast acclaim to the epoch – namely, the depiction of senses as a material reality. The exhibition begins with Rembrandt’s early allegories (*Stone Operation (Allegory of Touch)*; *Unconscious Patient (Allegory of Smell)*; and *Three Musicians (Allegory of Hearing)*) – tiny paintings each featuring three grimacing characters. Next to them stands *Self-Portrait*, a work from the same period by his friend and competitor, Jan Lievens, which represents a young man with light curly hair and a look evoking both character and emotion, not unlike the artist’s portrait of the old bearded *Bookkeeper at His Desk* or *Boy in a Cape and Turban*. Similarly, and though there certainly was no shortage

of order for portraits (one of the main sources of income for artists at the time) either in Amsterdam or Leiden, Rembrandt's most reliable model remained himself. One could sense a hint of self-admiration, particularly judging from the master's portrait in oriental attire produced by Isaac de Jouderville, based on Rembrandt's own self-portrait, or *Self-Portrait with Shaded Eyes*, in which Rembrandt is posing as a scientist. The ability to accentuate the light only on a certain part of the face in the shade truly represented a scientific discovery.

The portrait hall is crowned with Rembrandt's grandiose *Minerva in Her Study*, representing the goddess of war and wisdom wearing a luscious, gold-embroidered dress. The Dutch Golden Age literally unleashed a golden light that touched both mythological characters and everyday Dutch people (who in turn, with their natural faces and bodies, incarnated the Solomons, the Queens of Sheba, the Iphigenias and Lucretias, the angels, saints and prophets). And this particular light discovered by Rembrandt would soon illuminate the most mundane of scenes. Half of the exhibition is in fact dedicated to this ordinary life – the representation of which constitutes another important discovery of Dutch art. It shows no competition between teachers and students, but instead highlights the admiration of the brief moments slipping away – which proved to be even more valuable in the aftermath of endless cruel wars between Holland and Spain and various religious conflicts. *Scholar Sharpening His Quill; Old Woman at Her Meal in an Interior; Young Man Reading; Young Woman Seated in an Interior, Reading a Letter; Lady Tickling a Sleeping Soldier; Interior with a Sick Woman by a Fireplace* – all frozen moments, devoid of drama or passion, with music from a virginal in the background (it can be heard near Vermeer's painting). This ultimately stands as a very modern reminder of an era when, after much suffering, the world looks like paradise. As French historian Hippolyte Taine declared about this form of art, "the man rejoices not because he is well, but because the present is immensely better than the past... Every usual action becomes especially joyful and interesting: people wake up and feel like they have just been born." What else could one wish for?